

**«МИРНАЯ ЖИЗНЬ В ТЫЛУ»: САМАРСКОЕ МЕЩАНСТВО
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905–1907 ГГ.)**

*Его любимая позиция – мирная жизнь
в тылу наиболее сильной армии.*

М. Горький. «Заметки о мещанстве»

Эпиграфом к данному исследованию мы сознательно абстрагируемся от рассмотрения мещанства как этической категории, уходящей корнями в историософию Герцена, «духовное мещанство» Мережковского, рефлексии Горького, отводя данному дискурсу место эпиграфа [6]. В контексте данной работы мещанство будет рассматриваться не как определенный тип мышления, а как реально существовавшее сословие, которое при всем социальном разнообразии составляло большинство российских горожан [39, с. 181].

В локально-исторических исследованиях нового типа сформировались работы такого рода, которые Майкл Постан назвал микрокосмическими, подразумевая их выход в макроисторическое пространство и «вполне способных выполнять роль первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории» [43, с. 77]. Реальность человеческих связей и отношений в рамках такого значительного социального локуса, как сословие, может быть понята через многосторонний ситуационный анализ, позволяющий реконструировать индивидуальное событие в его целостности, «то есть раскрыть конкретную совокупность условий, мотивов, действий, переживаний, восприятий и реакций, а также последствий человеческих поступков» [43, с. 300]. Как отмечает в своем исследовании Л.П. Репина, «установление... всех вариантов практических решений, оказавшихся возможными в данном социальном контексте, в перспективе может позволить перейти от индивидуального опыта к коллективному и к характеристике самого социума» [43, с. 300]. П. Бурдые в этом отношении отмечал, что «тысячи бесконечно малых происшествий», интегрируясь, порождают «объективное чувство, воспринимаемое объективным аналитиком» [3, с. 136–137]. «В обновленной социальной истории в центре системы должен стоять “деятель”, “агент”, “актор”, субъект исторического действия – человек или коллектив (социальная группа), выступающий в неискоренимом дуализме своей социальности: с одной стороны, как итог культурной истории, всего прошло-

го развития... с другой – как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума» [3, с. 308]. На современном историографическом этапе ясно одно, один метод не исключает другой, «исследование механизма трансформации потенциальных причин в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает обращение как к макроистории, которая выявляет влияние общества... на поведение личности, так и к микроистории, способной раскрыть способы включения индивидуальной деятельности в коллективную» [3, с. 308].

В рамках данной работы мы попытаемся ответить на ряд вопросов, связанных со следующими проблемами: 1) можно ли в период революции 1905–1907 гг. выделить политическую позицию мещанского сословия как социальной группы с размытыми экономическими, профессиональными и культурными границами, лишенной ярко выраженной сословной идентичности; 2) позволительно ли на основании ряда казусов (при неизжитом у историка, чье формирование пришлось на советские годы, недоверии к метанарративу) делать выводы по проблеме «антропологии включения городского обывателя в революционный невроз». Полностью солидаризируясь с методологическими размышлениями, высказанными А.Б. Каменским в предисловии к его монографии «Повседневность русских городских обывателей» [29, с. 9–26], хотелось бы оговориться, что «новая социальная история» находится на сегодняшний день, на наш взгляд, под двойной угрозой: с одной стороны, отдавая дань моде, марксистские историки начинают называть свои метанарративы социокультурными исследованиями, что в определенной степени дискредитирует метод; с другой стороны, по-прежнему веруя в мыслительную конструкцию прошлой историографической эпохи, они не признают в качестве равноправного исследовательского дискурса «историю снизу», не понимая, как можно достичь «приличного» масштаба обобщений на основании диктата одного выразительного источника или фрагментарной источниковой базы. Выводы, сделанные в данной статье, носят отчасти эмпирический характер, так как автор находится в самом начале исследовательского пути по изучению мещанского сословия на последнем этапе имперского периода.

14 мая 1907 г., 19-летний ученик городского реального училища, мещанин Захар Евтихеевич Ярыгин произвел два выстрела в упор из револьвера в помощника исправника Трофимова [9]. События, предшествующие этому трагическому моменту в жизни молодого человека мещанского сословия, развивались следующим образом. В марте в Самару приехали из Саратова два молодых интеллигентных человека в лакированных сапогах и одинаковых фуражках [9, л. 10]. Они обратились к трем местным социалистам-

революционерам, Константину Пономареву (19 лет, мещанин), Дмитрию Далматову и Моисею Геранину, с требованием убить помощника исправника. Так как Ярыгин собирался вступить в партию, в качестве необходимого условия Геранин предложил ему взять на себя убийство помощника исправника. Ярыгин поинтересовался, за что его нужно убить. Ему объяснили, что исправник в деревне Давыдовке отрывал крестьянам уши [9, л. 10об.] Ярыгин удивился: «При чем же здесь Помощник исправника?» Товарищи сказали ему, что это одно и то же [9, л. 10об.]. Пятизарядный револьвер системы «бульдог» Захар Ярыгин попросил у одноклассника Василия Баланушкина. На вопрос Баланушкина о том, зачем понадобился револьвер, Ярыгин ответил: «Пойду на большую дорогу расклеивать прокламации, и револьвер нужен для самозащиты» [9, л. 11]. Данный ответ удовлетворил Баланушкина, и он отдал однокласснику револьвер. 14 мая, в день покушения, во втором часу дня Захар отправился в чайную, где с матерью знакомого мальчика Федора Чирикова выпил бутылку водки. Затем, «часа в три полудни», зашел к двум братьям Бутузовым и с ними выпил полторы бутылки водки [9, л. 11]. После этого Захар Ярыгин отправился к родственнику помощника исправника, своему однокласснику Василию Безрукову, и попросил его познакомить с Трофимовым «для личных, важных переговоров» [9, л. 9об.]. Безруков повел Ярыгина в дом к Трофимову и сообщил, что с ним «желает познакомиться и о чем-то переговорить его товарищ Захар Евтихеевич Ярыгин» [9, л. 9]. Трофимов вышел во двор и вплотную подошел к Ярыгину с вопросом «Что вам нужно?» Захар отступил назад, выхватил револьвер и сделал два выстрела в упор. Револьвер два раза дал осечку. После чего Ярыгин протянул револьвер помощнику исправника со словами: «Вот возьмите револьвер, мне он больше не нужен...» [9, л. 9]. При обыске в квартире Ярыгина был обнаружен мимеограф с оттисками воззваний партии социалистов-революционеров [9, л. 9]. (Данный момент заставляет, с одной стороны, задуматься над образом неискушенного мальчика, вовлеченного в революционный террор, с другой стороны, Прокламация становится настолько привычным знаком эпохи, что наличие мимеографа у Ярыгина еще не основание для выводов о его тесной связи с революционным подпольем).

Для анализа данного архивного казуса в контексте более широкой макроисторической проблемы, касающейся общественной позиции провинциального мещанства в революционных событиях 1905–1907 гг., следует выполнить многоступенчатую иерархию исследовательских процедур, предлагаемых Л.П. Репиной: произвести анализ ситуации с точки зрения ее ординарности или неординарности; реконструировать историю самого

индивида жизненного опыта, предшествующего данному событию; выявить его психологическую предрасположенность к тому или иному образу действий; выявить мотивацию, конкретный процесс принятия решения и реализацию последнего; последствия реализованного решения; осуществить переход от единичного к массовому с демонстрацией наличия совокупности аналогичных индивидуальных решений, закрепленных в новом поведенческом стереотипе и инкорпорированных в групповую и массовую деятельность [34, с. 300–301].

Ситуация на фоне других дел фонда жандармского управления выглядит и ординарной, и в то же время неординарной. Из 30 дел данного фонда о мещанах, привлеченных к данной работе, за исключением дела Ярыгина, все остальные связаны с оскорблением представителей царствующего дома, распространением революционной литературы и ведением агитации [8]. И тем не менее, по исторической и литературной традициям, Ярыгин нам «знаком»: его текст поведения восходит к теме «подпольной России» [33]. Центральным персонажем большинства поэтических и прозаических произведений Подпольной России являлся герой-революционер. Мир революционеров-подпольщиков, оказываясь «миром идеальных отношений и идеальных людей» [33, с. 41] становится притягательным не только для интеллигенции, но и для учащейся мещанской молодежи, сословно упрекаемой в равнодушии к Мировому Злу. М. Могильнер отмечает в своем исследовании «Мифология «Подпольного человека»», что «даже формально будучи вне Подпольной России, вращаясь где-то на ее периферии, он (читатель. – З.К.) морально принадлежал ей» [33, с. 45]. В ситуации с Ярыгиным обращает на себя внимание проблема «готовности личности к убийству». В 1907 г., когда Ярыгин стреляет в помощника исправника, в «Русском богатстве» появляется рассказ А. Деренталя «В темную ночь», в котором «из уст прежнего героя» звучат «невозможные ранее слова: “Ведь пойми: я же не в березу буду стрелять, а в человека, который ест, пьет, ходит, разговаривает, думает о чем-нибудь!”» [33, с. 79]. Литературная традиция выводит в этом же году новый тип героя, отказывающегося от убийства (в рассказе «Карантин» А. Грина, «Дело» Вл. Ленского и др.) [33, с. 92]. Классическая радикальная мифология докатилась до провинциальной Самары с некоторым опозданием. Когда в эпицентре революционного Подполья формулируется мысль об отказе от убийства, на периферии сочувствующий революции мальчик психологически оказывается готовым к убийству. На уровне массового сознания революционная мифология создавала свои собственные интерпретации в провинциальной среде, снижая градус выразительности, как акторов, так и их действий: городское реаль-

ное училище, мещанство, смутная мотивация, алкогольная поддержка, несостоявшееся убийство. Но все это не снимает трагедийности происшедшего события и его последствий для юноши-обывателя, подкарауленного революцией.

Ряд других дел фонда жандармского управления, отмеченных принадлежностью к мещанскому сословию, позволяет выявить некий общий поведенческий стереотип вызванный, с одной стороны, революционными событиями в стране, с другой стороны, надъисторический, неизменный для обывательской психологии в любые эпохи – критика власти, облаченную в форму своего рода «исторического анекдота», так как каждая история была бы смешна, если бы ее следствием не являлись искалеченные судьбы. (При работе с этими делами особо обращалось внимание на семейное положение, возраст и графы «за границей не был», «к суду не привлекался»: в отличие от интеллигенции, эти мещане не видели мир, их собственный провинциальный локус был обжит и регламентирован, повседневность, не связанная с нарушением закона, определялась хронотопом провинциального города и отсутствием серьезных девиаций. Столкновение с машиной власти отныне все меняло. Для маленького человека сила данного столкновения значила много, вела к смене жизненных стратегий, разрушала привычную повседневность.) Сюжет приблизительно один: напившийся (или трезвый) мещанин ругает публично царя, предрекает революцию (что идет в разрез с логикой мещанина – «Пингвина» в горьковском «Буревестнике») и производит какие-либо действия с Бумагой как знаком революционного времени (совсем необязательно это запрещенная литература, листовки или прокламации). В контексте общественного невроза 1905–1907 гг. эти вполне обычные действия и обычные предметы приобретают логику бунта и порождают фигуру Доносчика (который, собственно, также неизбежен в любые эпохи, но только в нестабильные периоды власть его поощряет и стимулирует). «Любой донос... имеет под собой почву», – отмечает А.С. Лавров [32, с. 27–35]. Доносчик – наблюдатель. Исследование «почвы» его наблюдений – еще один путь постижения ускользающей истории повседневности, в данном контексте, революционной повседневности.

5 февраля 1905 г. самарский мещанин и пароходовладелец П.В. Лобастов зашел в свою мастерскую и обратился к слесарям, слышали ли они об убийстве генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Слесаря ответили, что читали об этом в «Самарском курьере». На что Лобастов заметил: «Поделом вору и мука! Будет, пожил и пограбил будучи генерал-губернатором г.Москву и ее градожителей!» [7, л. 1,2]. Среди слесарей находился И.Н. Палкин, крестьянин, проживавший в этой же

хозяйской слесарной мастерской. В деле отмечено, что Палкин был уволен Лобастовым за верноподданнический протест по поводу его высказывания. Как следствие, Палкин донес на своего хозяина в жандармское управление. «Я, как будущий слуга Царя и Отечества дерзнул донести на своего хозяина то, что слышал, да и нельзя допускать подобных вещей, так как и по время у нас еще не окончились между рабочим людом и их подстрекателями социал демократические движения по поводу сказанного не токмо, чтоб установить тишину, а подобные хозяева и пароходовладельцы как г.Лобастов производят совершенно оборотне дело для революций» [7, л. 2об.]. Палкину на момент доноса было 20 лет. В его голове, как видно из данного текста, полная сумятица: на слуху термин «социал-демократические движения» (обратим внимание на тезис В.В. Шелохаева о том, что «...русские партии “прорастали” не “снизу”, а насаждались интеллигенцией “сверху”. Разрабатываемые... идеологии и программы носили, как правило, абстрактно-теоретический характер и были слабо синхронизированы как с общественными потребностями развития страны вообще, так и с интересами различных классов, социальных страт и профессиональных групп в частности» [35, с. 99], что не исключает осведомленности реципиентов в данном вопросе), безграмотность, верноподданнические чувства, подлость, зависть и проч. на фоне общей нестабильной ситуации в городе. Самарская городская дума на своем чрезвычайном заседании 13 декабря 1905 г. отмечала, что «жизнь обывателей» находится в опасности, так как «масса вооруженных людей не стесняются стрелять на улицах» [32, л. 62а], «торговля прекратилась» [32, л. 45]. Спустя некоторое время представитель другого лагеря И.И. Блюменталь охарактеризует Самару 1905 г. как «сравнительно глухой провинциальный пункт», в котором мещанско-купеческое население жило «сонной провинциально-обывательской жизнью», а самарские рабочие в значительной степени «были полумещанами» [2, с. 4–10]. В подобном обывательском пространстве выстрелы звучат сильнее, речи кажутся крамольнее, а в листах бумаги видятся прокламации. Так, во время пьяной драки в ресторане гостиницы Улановой на углу улиц Вознесенской и Москательной у мещан В. Бабенышева и Н. Бутова вывалилась пачка бумажек, которую свидетели приняли за прокламации. Было заведено уголовное дело по статье 129 Уголовного Уложения, но обвиняемые утверждали, что у них вывалились первоапрельские карточки, над которыми все смеялись. Мещанин Н. Васильев, проходя по улице Саратовской, в 22.30 вечера выронил прокламации, начал их собирать, но мимо проходившие люди, сразу распознав эти листки, его задержали [36, л. 8–25об.]. Прокламации наводнили обывательский

мир, стали элементом повседневности, обыватель даже знал, как они должны выглядеть: узкая полоска печатного текста. 31 июля 1905 г. в городском саду г. Бузулука, напившись, буйствовал крестьянин И.Н. Пушкин. При задержании нарушителя покоя в карманах его шаровар была найдена прокламация социал-демократической партии. Пушкин сообщил, что прокламацию ему дал мещанин Барковский. Барковский виновным себя не признал, так как, по его словам, прокламацию нашел за городом, недалеко от мельницы Чемодурова, на которой он работал. Придя домой, он попросил своего соседа Пушкина почитать, о чем пишут студенты. А Пушкин напился и забыл выбросить прокламацию [15, л. 5–27]. 9 февраля 1905 г. мещанин А.О. Смирнов, будучи пьян, сообщил крестьянину, высказавшему соболезнование по поводу убийства Великого князя Сергея Александровича: «Туда ему подлецу, мерзавцу, с... сыну и дорога... 19 февраля предстоит бунт, у меня есть по этому поводу прокламация, которую даю только под страхом меня не выдавать, а иначе того...» [17, л. 2]. Мещанин Ф.В. Богдавленский, колбасный мастер, хранил прокламации «Крестьяне к вам наше слово», «В бой за свободу», «Пауки и мухи» [13, л. 4–11]. Мещанин М.И. Булычев принес в слесарную мастерскую прокламацию Георгия Гапона «К рабочим» – потом попросил сжечь [14, л. 2–4]. Мещане разбрасывали прокламации на железнодорожных путях [8], оставляли на подоконниках в общественных учреждениях [12, л. 1об.]. Мещане сквернословили в адрес власти, как правило, напившись. В первый день Пасхи 1905 г. двое мещан, Е. Борисов, наборщик типографии, и И. Васильев, столяр, «будучи немного выпимши» (в документе уточняется «твердо стояли на ногах»), в гостях заявили: «Царя нам не нужно, царь обирал и обирает народ, дурак он!» [20, л. 6–24] 30 августа на базаре 49-летний мещанин, переплетчик и письмоводитель В.Д. Волохов, будучи пьян, говорил торговцам: «Я знаю, в Японии идет бунт. Микадо хотят убрать. Уберут и у нас Николашку, выгонят в... мать...» (далее ненормативной лексикой о том, что государь не умеет вести войну и слушать своих министров, потому что – дурак! – З.К.) Когда Волохова допрашивали в жандармском управлении, вину свою он не признал, так как, по его словам, страдает запоем, и, что с ним в это время происходит, он «решительно не помнит» [30, л. 1–18]. Мещанин П.А. Бобылев, 27-летний конторщик чайной компании «Губкин-Кузнецов», в магазине пел, будучи пьян, революционную песню «Отречемся от старого мира» и нецензурно выражался в адрес царя: «Мать вашу ети, а равно вашего царя» [35, л. 2–16]. Поздно вечером в пивной мещанин В.А. Константинов обругал наследника престола матерными словами. В свое оправдание заявил, что «был пьян, ничего не помнит, даже как очутился дома!» [16, л. 5,6]. К меща-

нину Васильеву, выпивавшему после работы с друзьями, подошел мещанин Скосырев и спросил: «В кого ты веришь?» Васильев ответил: «В Бога и Царя». На что Скосырев ответил: «... (ненормативная лексика. – З.К.) я вашего царя, какую он тебе помощь дал?» [31, л. 8а]. Мещанин Д.О. Попов, маляр, угощая за свой счет в пивной приятелей пивом, рассказывал, что в Самаре существуют два комитета, которые очень богаты и вооружены, что скоро в Самаре будет бунт, царя убьют и государством будет управлять народ [18, л. 6–27]. Работник иконописной мастерской, мещанин А.В. Календо, напившись, решил выступить перед народом с призывом давить купцов и отбирать у них землю на углу Троицкой и Москательной улиц. Дело решено было прекратить, так как Календо «просто был пьян, еще и дрался!» [19, л. 18–25об.] Можно ли на основании подобных поведенческих практик со стороны представителей мещанского сословия делать вывод о десакрализации или делегитимизации власти в их картине мира и о нарастании политической активности? Можно ли говорить об изменениях мещанской ментальности с ее ориентацией на патерналистско – имперское сознание? Скорее всего, характер мещанского протеста был, как пишет В. Бухараев в своем исследовании по г. Казани, «не активным социально-политическим, а скрытым, зачастую неосозанным; его выразители, мещане-деликвенты, не выпадали из мещанского архетипа» [4, с. 32]. Но в провинции, так же как и в стране, началось общее брожение, обыватель пришел в движение.

Идея данного исследования заключается в том, что чтобы вернуть теме революции «человеческое содержание», то есть анализировать архивные документы с точки зрения исторической антропологии. Сознательно не подниматься до обобщений, даже понимая, что остаешься пока «в рамках «казуса»». Однако соблазн велик: посмотреть на проблему мещанства в революции со стороны сословной организации. «Грехопадение» и в науке чревато проблемами: обращаясь к сословиям – попадаешь в эпицентр серьезной дискуссии о сословной парадигме в России [40]. Главный вопрос: стояла ли определенная социокультурная реальность за правовым термином «мещанское сословие» в начале XX в. Следует, по всей видимости, согласиться с точкой зрения Э. Виршафтер по поводу того, что социальное самоопределение в сословной идентичности гораздо более важный фактор, нежели роль формального законодательства в ее формировании (то есть фискально-административная политика государства) [5]. Н. Иванова и В. Желтова в своем исследовании о сословно-классовой структуре России отмечают, что признаками сословия можно считать законодательное закрепление сословных функций или занятий, сословных обязанностей и прав, передача их по наследству, наличие сословных корпоративных

организаций, осуществляющих сословное общественное управление, специфический менталитет и самосознание [37, с. 7]. Л.В. Кошман, отводя значительное место мещанству в исследовании, посвященном пореформенному городу, делает вывод о социальной зыбкости, нестабильности этого сословия, которая не способствовала внутренней социокультурной консолидации [39, с. 203]. Получается, что мещанство, количественно представленное в Самаре 1905 г. 163 284 человек [1], консолидировалось исключительно мещанской управой, выполнявшей по Городовому Положению 1870 г. фискальные функции: причисления – исключения в мещанское общество города, уплата окладных сборов, составление посемейных списков и т. д. Все дела фонда 217 мещанской управы г. Самары за 1905–1907 гг. не содержат ни одного документа, иллюстрирующего политическую позицию сословия, за исключением косвенно относящегося документа, фиксирующего истраченные суммы на отправку Верноподданнической телеграммы по поводу войны с Японией и на покупку свечей и приглашение причта для молебна по случаю избавления Их Императорских Величеств от опасности в 1888 г. [33, л. 3, 23].

Скорее всего, следует отказаться от попыток выяснить общие для сословия поведенческие практики в период революции 1905–1907 гг., так как данная социальная категория была определена с учетом приоритета фискальных интересов государства. За юридическим термином «мещанство» стояли достаточно противоречивые социальные реальности, которые можно было бы определить как субкультуры. Все они приходят в движение в 1905 г. Среди участников стачечного движения в Самаре находим «приказчиков», «модисток», «парикмахеров», «служащих конки», «официантов», «грузчиков» и т. д. [2]. Являясь естественной частью городских обывателей, они же и затрудняют обывателю своей политической активностью его повседневную жизнь. По всей видимости, следует разводить само явление политической активности и те формы, в которые она заключалась. В этом отношении показательны два документа. Дело о соглашении, выработанном приказчиками и их хозяевами после стачки приказчиков, и дело о мещанине П.Е. Сенаторове. Дискурс выработки соглашения свидетельствует о том, что приказчик и хозяин ментально принадлежат к единому пространству: они договариваются, торгуются, лукавят [32, л. 1а, 1б]. П.С. Сенаторов, такой же мещанин, как и вышеперечисленные «фронтеры» – обыватели. На него также было заведено дело по статье 103 Уголовного Уложения, но он оскорблял Государя иначе: в стенах Земской губернской управы, пафосно, поручителями выступили кандидат правоведения А.А. Смирнов, купец В.К. Головкин, внося поручительство в сумме

50 тысяч рублей [10, л. 3–15]. Ментально Сенаторов ближе к городской интеллигенции, чем к низшим и средним городским слоям. Мещане Самары в 1905–1907 гг. становились героями переходной, переломной эпохи, что отражалось на их жизни и мировосприятии. До 1917 г. объединенные единым правовым сословным статусом, они создавали знаки и казусы своего проживания истории. Процесс возвращения мещанского героя, актора в историческое исследование становится возможным при осознании историком права на прочтение его индивидуального текста в качестве самоценной мировоззренческой единицы.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905.
2. Блюменталь И.И. Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае // 1905 г. в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925.
3. Бурдые П. Начала. М., 1994.
4. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник. М., 2000.
5. Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
6. Горький М. Заметки о мещанстве // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 23, 30. М., 1953; Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1956; Его же. Концы и начала // Там же. Т. 7. М., 1958; Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 467.
8. Там же. Ф. 468. Д. 470, 484, 490, 486, 460, 411«А», 438, 439, 424, 418, 442, 458, 456, 455, 563 и др.
9. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 958.
10. Там же. Д. 424.
11. Там же. Ф. 153. Оп.36. Д. 112.
12. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 456.
13. Там же. Д. 491.
14. Там же. Д. 460.
15. Там же. Д. 490.
16. Там же. Д. 418.
17. Там же. Д. 468.
18. Там же. Д. 458.
19. Там же. Д. 514.
20. Там же. Д. 411(а).

21. Там же. Д. 438.
22. Там же. Д. 442.
23. Там же. Ф. 153. Оп.36. Д. 1144.
24. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 362.
25. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 484.
26. Там же. Д. 439.
27. Там же. Д. 455.
28. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.
29. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007.
30. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.
31. Лавринович М. Революционный характер России [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// old.russ.ru/krug/kniga/20021227_lavr.htm](http://old.russ.ru/krug/kniga/20021227_lavr.htm)
32. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.
33. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
34. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
35. Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

А.А. Воеводина

Самарский государственный медицинский университет

МЕЩАНСТВО В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

К настоящему времени в отечественной литературе отчетливо сформировалось представление об особом статусе темы мещанства в истории общественно-политической мысли России. Исследователи пишут о мещанстве как «сложившемся культурном стереотипе», обозначают «комплекс антимещанства» и «антимещанский пафос» русской культуры и даже «антимещанский вывих русского ума» [2; 6; 11; 15]. Данный феномен сформировался в России не без влияния западной философии [6] и, кроме того, может быть рассмотрен как «продукт интернациональный» (своего рода «инвариант... антикапиталистической ментальности») [2]. Тем не менее следует признать, что на отечественной почве тема «борьбы с обыва-